

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ВОЛОГОДСКИХ ДИАЛЕКТНЫХ БЛАГОПОЖЕЛАНИЙ

В статье анализируются неизвестные русскому литературному языку благопожелания, зафиксированные в живой народной речи на территории распространения говоров Вологодской группы севернорусского наречия, характеризуются основные особенности таких этикетных формул и описывается история их изучения.

Коммуникативная диалектология, народный речевой этикет, концепт «благопожелание» в народном сознании.

The article contains the analysis of good-wishing lexicon unknown to Russian literary language, fixed in the vivid folk speech on the territory of North-Russian dialects of Vologda group. The main features of these etiquette formulas are characterized and the history of their studying is described in the paper.

Communicative dialectology, folk-speech etiquette, concept «good-wishes» in people's mind.

Многолетняя работа диалектологов Вологодского государственного педагогического университета над составлением Словаря вологодских говоров (далее сокращенно – СВГ) привела к открытию в говорах обследуемой территории (центральные и восточные районы Вологодской области) сферы особого народно-речевого этикета. Обнаруженный феномен заслуживает глубокого исследования, ибо его единицы заметно пополняют представления о культуре местного населения.

Предметом проводимого нами исследования являются диалектные благопожелания. Несмотря на отсутствие самого слова «благопожелание» в большинстве толковых словарей [11, с. 70 – 72], на протяжении последних десятилетий наименование «благопожелание» все же активно употребляется фольклористами, лингвистами, этнологами и др. В обобщенном виде под благопожеланием понимается «принятая в данном социуме устойчивая формула, содержащая пожелание добра одним лицом в адрес другого лица» [1, с. 186] или «высказывание с коммуникативным заданием пожелания какого-либо блага в чей-либо адрес» [7, с. 355]. Активизация интереса к изучению благопожеланий в русском языке и его диалектах весьма заметна в последние годы [2], [5], [6]. Значительному ускорению в изучении этого феномена послужит, по-видимому, программная статья Н.И. Формановской, выводящая исследователей на когнитивный уровень оценивания благопожеланий как концепта в основе речевого этикета [11, с. 73].

По нашим наблюдениям, вологодские диалектные благопожелания представлены многочисленными формулами, неизвестными литературному языку. Составленная нами картотека включает в себя около пятисот стереотипных формул, зафиксированных в экспедиционных условиях с 1981 по 2011 гг. Формулы не могут не привлечь к себе внимания ярким своеобразием и особым деревенским колоритом: *Пух под ножницы!* – пожелание тому, кто стрижет овцу; *Сто локот на пришивцу!* – пожелание успеха женщине за ткацким станком; *Путем-дорогой!* – пожелание отправляющемуся в путь; *Жар в баньку!* – пожелание тому, кто направляется в баню; *Хлеб на под!*

– тому, кто печет хлеб; *Море под кормилицей!* – тому, кто доит корову; *Мыло в корыто!* – тому, кто стирает белье; *Лебеди на бук!* – тому, кто полощет белье; *Рыб на ловлю!* – тому, кто идет на рыбалку; *Рена сало!* – тому, кто режет домашнее животное на мясо и др.

Спектр прагматических ситуаций, порождающих существование в говорах специальных формул, весьма широк. Он простирается от неотложных каждодневных и доступных для визуального наблюдения видов деятельности – полевые (*Дежень да каша!*), огородные (*Картовница с оглоблю, картошка с колесо!*) работы, сенокосение (*Ведро на грабли!*) и др. – до таких сугубо бытовых, физиологических действий, как зевание (*Малина в рот!*), чихание (*Спица в нос!*) или (действительно, ничто человеческое нам не чуждо!) процедура борьбы человека со вшами (*Конь на уши!*).

Таковыми формулами в речевом общении деревенских коммуникантов, зачастую малограмотных или совсем неграмотных людей, много страдавших в жизни и испытывавших немалые лишения, тем не менее, выражается их учтивость, отменная вежливость, крайне необходимые в условиях тесного контакта людей в простонародной деревенской жизни. Зафиксированные формулы отличаются повторяемостью, устойчивостью, стереотипностью. В русском литературном языке аналогичные формулы находятся на периферии способов выражения значения оптатива [10, с. 181], но в диалектах, по нашим наблюдениям, именно лексико-фразеологические средства составляют ядро выражения оптативности.

Функционирующие в настоящее время благопожелания имеют яркий образный характер, создаваемый использованием таких средств художественной выразительности, как метафора, метонимия, сравнение, амплификация, антитеза, синтаксический параллелизм и проч., нередко характеризуются ритмизованностью и звукоизобразительностью.

Перечисленные свойства анализируемых формул подчеркивают их генетическую связь с устным народным творчеством. В истоках многих благопожелательных формул лежат сказочные сюжеты (*Серебро в ведро!* – при черпании воды), старинные коляд-

ные песнопения (*В закромах спорынья!* – при уборке зерновых культур), архаические ритуальные фразы (*Гусни, хрясни, дай Бог масла!*), пословицы и поговорки русского народа (*Не красна изба углами!* – при замешивании теста) и др. Такая связь является, как нам представляется, двусторонней, обоюдонаправленной: реально существующие этикетные фразы могут включаться в крупные формы разных жанров, а фразы из текстов больших жанров могут прикрепляться к конкретным прагматическим ситуациям.

Отметив все эти черты исследуемых благопожеланий, охарактеризуем далее историю их фиксации.

Впервые формулы такого рода были зафиксированы нами в живой народной речи в 1981 году. Две экспедиционные поездки того времени в деревню Плоская Кичменгско-Городецкого района Вологодской области оказались очень удачными. Участвовать в них вызвались многие хорошие студенты, которые, кстати, впоследствии стали видными специалистами в области народного образования (М. Безнощенко, Е. Зайцева, Т. Маракова, Е. Серая, Т. Шишигина и др.). Успеху работы способствовал установленный диалектологами контакт с населением нескольких компактно расположенных деревень. Именно тогда нам удалось зафиксировать первое, но пока еще лишь единичное благопожелание в ситуации стирки, полоскания белья – *Бело мыть!* Но факт его фиксации был отнесен на счет общей образности, выразительности речи конкретного информанта – Анны Ивановны Клочковой [4, с. 213 – 217].

Первый выпуск Словаря вологодских говоров, опубликованный в 1983 г., материал такого рода еще вообще не регистрировал. Теперь уже трудно сказать, знала ли в то время о таких фактах в говорах Т.Г. Паникаровская, инициатор написания и редактор СВГ. А если знала, то не относил ли она эти выражения на счет особенностей языка фольклора? Впоследствии – и это нам достоверно известно – Т.Г. Паникаровская благосклонно принимала информацию о единицах такого рода и, включая подобные выражения в СВГ, относил их к разряду фразеологизмов. Так, во втором выпуске СВГ уже представлена ответная реплика на ту первую, зафиксированную нами ранее реплику-стимул: *Давай бело!* Ответ на приветствие *«Бело мыть!»*, обращенное к женщине, которая полощет белье. *Вот вы стираете на реке, ну вам говорят: «Бело мыть!» А отвечают: «Давай бело!»* (Сямж. Монаст.). *Я бы шла да сказала: «Бело мыть!», дак которая скажет: «Спасибо!», которая – «Давай бело!»* [9, вып. 2, с. 3]. Благопожелания записывались диалектологами обычно в широких, развернутых контекстах, ср.: *Придешь к кому в дом, если хозяйка тесто замешивает, то и скажешь: «Спорынья в квашню!» – чтобы у нее лучше работалось. Ведь хорошее да доброе слово помогает в работе* [9, вып. 10, с. 183].

В 1983 г. в вологодских деревнях нам уже посчастливилось столкнуться с детализированной, строго регламентированной системой народного речевого этикета. Именно тогда состоялась наша весьма длительная диалектологическая экспедиция в деревню Режского сельсовета Сямженского района Вологод-

ской области. Впоследствии деревни этой местности стали опорным пунктом в наших диалектологических исследованиях – вплоть до экспедиционных поездок и тесных контактов с информантами, продолжающихся до настоящего времени.

В выбранном диалектологами для обследования Режском сельсовете многое отличалось своей архаичностью. Приличная дорога от г. Вологды до райцентра, села Сямжи, была проложена лишь в 70-е годы XX в., а дорога в Режу, т.е. местность, расположенную по течению реки с таким названием, вообще стала приемлемой совсем недавно. До этого времени население деревень существовало практически в значительном отрыве от цивилизации.

Особенности режского мироустройства были очень заметны как в области организации крестьянского жилища (изба с беструбной печью, например, там еще сохранялась до недавних пор), так и в области бытового уклада и речевого поведения местных жителей. Важным в плане сохранения традиционного мироустройства обстоятельством оказался факт былого существования в этой местности Угору-Режского Рождественского храма, поблизости от которого проживали священники, пользовавшиеся у населения чрезвычайно большим авторитетом и оказывавшие на местное население заметное воспитывающее воздействие. Полагаем, что это обстоятельство могло способствовать интенсивному формированию в замкнутом коллективе и сохранению в процессе коммуникации его членов этикетных форм общения.

Существенным для диалектологов оказался и тот факт, что их постоянным информантом стал лингвистически одаренный человек – учительница-пенсионерка Клавдия Яковлевна Игнашева [3, с. 44 – 48]. Именно в беседах с нею был выявлен круг ситуаций, вызывающих к жизни употребление специфических этикетных выражений. Длительные наблюдения показали, что фиксировать местные этикетные выражения удастся не всем и не всегда, и употребляются они далеко не повсеместно. Нам в этом случае повезло общаться с талантливым, лингвистически одаренным информантом.

Впоследствии нами были предприняты поездки, имевшие своей целью фиксацию материала по речевому этикету в Белозерском, Вытегорском, Кирилловском, Никольском, Тотемском и других районах Вологодской области. Параллельно с этим наши многочисленные помощники из рядов студентов (Дорож М.В., Лукошкина К.Н., Митина О.Д., Новожилова Н.А., Пахарькова Н.Д., Черепанова Т.И. и др.) также работали в районах области, но уже по специально составленному вопроснику.

Все это происходило еще до опубликования «Программы собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров [8]. Материалы, собранные в районах Вологодской области по названной программе, затем также попали в поле нашего зрения. Особенно качественными и тщательно описанными оказались материалы диалектологической практики студентов, работавших под руководством Е.П. Андреевой (Тотемский и Шекснинский

районы) и Г.А. Дружининой (Грязовецкий, Тотемский и Харовский районы).

Ознакомление с материалами Картотеки Лексического атласа русских народных говоров (хранится в Институте лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург) не принесло пока скольких-нибудь существенных дополнений в нашу картотеку. Это заставило думать о специфичности исследуемого нами материала для Вологодского региона и необходимости повторных исследований именно на территории распространения говоров Вологодской области. Поэтому при проведении диалектологической практики студентов филологического факультета ВГПУ в 2008 – 2011 гг. для повторного обследования был интенсивно использован наш вопросник.

В процессе сбора материала по диалектным вологодским благопожеланиям нами привлекались также и некоторые архивные источники, содержащие описание особенностей народных говоров на территории Вологодчины. Так, использовалось описание Ферапонтовской волости, составленное архимандритом Макарием (Кирилловский район), привлекались материалы архивов М.Б. Едемского (Тарногский район – по данным фольклориста М.А. Вавиловой), краеведов А.А. Угрюмова (Тарногский район) и В.Ф. Лукичева (Сямженский район) и др.

Традиции использования благопожеланий и посредством этого проявления этикетного, уважительного отношения к собеседнику в Вологодском крае живы и по сей день. В этом нас убедила летняя диалектологическая экспедиция 2011 г., продемонстрировавшая, что речь старших диалектоносителей иногда буквально пронизана не зафиксированными в нормативных словарях благопожеланиями [5]. Однако они всплывают в памяти и используются в речи наших старших современников отнюдь не как единицы фольклорного жанра, а как лексико-фразеологические единицы современного речевого взаимодействия.

Литература

1. Агапкина, Т.А. Благопожелание: Ритуал и текст / Т.А. Агапкина, Л.Н. Виноградова // Славянский и балканский фольклор. – М., 1994. – С. 168 – 208.
2. Балакай, А.Г. Будь/те здоров/ы во времени и пространстве / А.Г. Балакай // К 60-летию профессора А.В. Жукова: юбилейный сб. науч. тр. – В. Новгород, 2007. – С. 20 – 28.
3. Зорина, Л.Ю. Диалектная лексика говоров Вологодского края: методические материалы и научно-популярные очерки / Л.Ю. Зорина. – Вологда, 2008.
4. Зорина, Л.Ю. Тексты. Записи диалектной речи в разных районах Вологодской области / Л.Ю. Зорина // Говоры Вологодского края: аспекты изучения: межвуз. Сб. науч. тр. / отв. ред. Л.Ю. Зорина. – Вологда, 2008. – С. 213 – 227.
5. Зорина, Л.Ю. Традиции речевого поведения жителей Тотемского района Вологодской области (по материалам диалектологической экспедиции 2011 года) / Л.Ю. Зорина // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Сб. науч. тр. Ч. 7 / отв. ред. Е.Н. Ильина. – Вологда, 2011. – С. 159 – 163.
6. Паликова, О.Н. Этикет в речи старообрядцев и в словаре говора / О.Н. Паликова // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования 2010. – СПб., 2010. – С. 424 – 434.
7. Плешакова, В.В. Традиционные русские благопожелания как аксиологические высказывания / В.В. Плешакова // Россия и славянский мир: история, язык, культура: сб. науч. тр. / ред.-сост. В.А. Викторович, А.Б. Мазуров. – М., 2008. – С. 355 – 361.
8. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Ч. 1 – 2. – СПб., 1994.
9. Словарь вологодских говоров (СВГ) / под ред. Т.Г. Паникаровской. Вып. 1 – 12. Вологда, 1983 – 2007.
10. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / отв. ред. А.В. Бондарко. – Л., 1990.
11. Формановская, Н.И. Благопожелание как концепт в основе речевого этикета / Н.И. Формановская // Речевое общение: специализированный вестник / под ред. А.П. Сковородникова. Вып. 12 (20). – Красноярск, 2011. – С. 69 – 76.